

В коридорах на перемене было очень шумно. Старшеклассники деловито и спокойно играли в «козла», между ними с визгом и воплями шныряли младшие классы. На Петьку налетел, чуть не сбив с ног раскрасневшийся третьеклассник. Поднял испуганные, блестящие от возбуждения глаза. Петька дал салаге заслуженного щелбана и для порядка пинка, после чего отпустил восвояси. Мальчишка ничуть не обиделся — он уже с победным кличем мчался дальше.

Подходя к двери восьмого «А», где по расписанию был урок математики, Петя с удивлением заметил, что оттуда не доносятся привычные крики и топот.

Ученики старательно изучали учебники; некоторые что-то «скатывали» в тетради.

— Контрольная щас будет, — доложил сосед по парте.

— А-а, — безразлично сказал Петя. Ему-то уж не о чем было беспокоиться. Он развязно подошел к отличнице класса Галке Худяковой и привычным тоном сказал:

— Худякова, дашь седня списать...

— Да? А больше тебе ничего не надо? — вдруг запротивилась та.

— Худякова, пожалуйста, ну дай.

— Перебьешься, — отрезала она. — Еще на контрольной не хватало...

— Да ты чего это, Худякова?..

— А ничего. Чего слышал. И учти, больше на меня эти штучки не действуют.

— Че-го?..

— Да-да! И...приветик, Петечка. Гуляй!

— Что это с тобой? — оболденно развел руки Петька.— Смотри, сама напросилась.

Отличница гордо отвернулась.

— Ну, ладно, посмотрим еще, — ниче-го не понимая, пробормотал он и шагнул на место.

Заняться было нечем. Головы однок-лассников молчаливо нависали над парт-ами, и только с первого ряда доносились голоса. Разговаривали Котряков с Гаевым.

Странно, но заносчивый Гаев почему-то выбрал для общения именно Котрякова — двоечника, который не умел даже списы-вать — его всегда замечали. Особенно удивительным было то, что последний раз-говор Котрякова окончился дракой.

... В прошлый раз они, кажется, спорили о нынешних войнах.

— А для чего я должен лезть под пули? Толку-то, что убьют меня. Другим от этого хуже не станет, — утверждал Гаев.

— Есть толк. Тебя убьют, но наши войс-ка на шаг продвинутся вперед.

— Ага. Собирай по ягодке — наберешь кузовок — сказал Гаев и с улыбкой про-декламировал, — и шли они по трупам своих товарищей, сами умирая и превра-щаясь в прах: а враг отступал, отступал...

И тогда тихий Стае вдруг сказал:

— Ты что, гад...

... И вот опять они вдвоем о чем-то спорят. Гаев, судя по лицу, начинал злиться, но Стас твердил:

— Скучно же слушать! А еще учителя называются. По-моему у нас на всю школу только один учитель — наша классная. Я иногда даже думаю, что у меня две мамы.

— Мария Михайловна? Она само собой, но остальные-то тебе чем не нравятся?!

Стас нерешительно пожал плечом:

— Да, в общем-то, нравятся. Во всяком случае, они не матерятся на уроке на учени-ков, как в другой школе.

Петров, заинтересовавшись, крикнул:

— Эй, философ, ты почему к контроль-ной не готовишься?

— А я уже готов.

— Да? Ну, молодец! А почему тогда на уроке учителя не слушаешь?

Котряков небрежно ответил:

— На фига. Я ей в рот весь урок, не двигаясь, буду смотреть, если на дом это же зададут.

Петя одобрительно кивнул головой.

— Иногда встречается текст слово в слово от того, что рассказывали.

— Во-во! Как подумаешь — читать не охота. Всю учебу перебивают людям, а потом еще говорят...

Петров небрежно усмехнулся:

— Ничего, скоро ты возьмешься за ум. Вот переведут нас с пятидневки на шестидневку, и начнешь ты бегать.

— Почему это?

— А смотри. В течение недели ты не учишься — так?

— Ну, Так. Петя самодовольно хмык-нул: — Еще бы, — нравоучительно поднял вверх палец. — А все почему? Потому что надеешься: «Вот наступят вы-ходные, тогда догоню» — так?

— Так...

— Идем дальше. Наконец наступает до-лгожданная пятница и, понятное дело, в нее ты ничего делать не будешь — какие уроки после шестичасового сидения в школе. Суббота! Прекрасный день! С утра до ве-чера свободная, радостная жизнь. Впереди тебя ждут еще одни не менее прекрасные сутки. Кто захочет себе портить субботу?.. Уроки переносятся на воскресенье. Воскресенье! Блаженная, многозанятая жизнь! Отдых, друзья, вечером мультфильмы и... горькое сожаление, что все-таки книги нуж-но было читать в субботу; а раз суббота прошла, — Петя театрально вздохнул, — то ничего уже не поделаешь. Жаль, но пора спать!

— А шестидневка причем? — не понял Котряков.

— Еще не догадался? В субботу отдыха-ешь после уроков, а воскресенье у тебя нет совсем — придется разрываться между теликом и учебниками.

Котряков подумал и сказал:

— Вряд ли. Я выберу телевизор и все.

— Ну и дурак — списывать не умеешь, хоть бы учился.

Петька отвернулся, и вдруг к нему пришла гениальная мысль, что абсолютно у всех учеников однажды происходит «контакт» с учебником. Самые заядлые двоечники

од-нажды по-настоящему чувствуют учебник и знают, где какой текст и на какой странице находится. Даже понимают всю ценность содержащихся слов... Это происходит во время контрольных.

Прозвенел звонок. Восьмой класс выстроился вдоль парт рядами. Все молчали. Лишь изредка раздавалось быстрое шур-шание бумаги — это самые несчастные неучи пытались спрятать шпаргалки. В класс вошла учительница, на ходу кивнув классу, и все сели.

Римма Григорьевна положила журнал на стол и внимательно оглядела притихших учеников, прошла не спеша вдоль рядов и извлекла из-под парт клочки бумаги. Пять смятых листочков легли поверх журнала, позорно выставляя напоказ корявые фор-мулы. Математичка помедлила и качнулась к Стасу.

— Ну, что ты на сей раз придумал? Опять приклеишь шпаргалку на ботинок или, может быть, снова над ручкой выжигателем поработал?

— Нет, Римма Григорьевна, — правдо-подобно и честно ответил Котряков, — не работал. Я выучил параграфы.

— Ну-ну, посмотрим.

Воодушевленный Котряков преспокой-но начал решать, время от времени погля-дывая на бородку Владимира Ильича, где столбиком темнели формулы. (Потом Рим-ма Григорьевна с удивлением поставит в тетради пятерку; а «художества» обнару-жат только через год, когда при побелке снимут запыленную картину).

Все сидели, согнувшись над тетрадями. Петя скучно оглядел головы одноклассни-ков и остановил взгляд на затылке Галки. Она сосредоточенно что-то писала.

— Посмотрим, — подумал Петров и стал пристально смотреть на ее косичку. Так он сидел минуты три. Наконец Петька ощутил знакомый гул в своей голове (будто трансформатор работал). Этот гул усиливался и превращался во что-то материальное, приобретал определенную форму: длинную, блестящую, невидимую нить. Клубок нити стал покачиваться и, медленно разматываясь, пополз вперед. Тонкое жало не спеша вошло в голову Худяковой. То есть, это Петька хотел, чтобы оно вошло. Он всей силой толкнул его вперед, но... Жало расщепилось на тончайшие ниточки и расплзлось вокруг головы девчонки — будто в купол уперлось.

А это и был купол. Круглый и непроницаемый. Обрывками нитей Петька стал его ощупывать, дошел до такой точки, где сила отталкивания поля была наивысшей, отдал приказ ниточкам: «Разведать!» Нити нащупали на шее Галки небольшую коробочку, прошли по ее поверхности и остановились на каком-то выступе.

— Кнопка! — мелькнуло у Пети. — Ясно, отчего Худякова так храбрилась. Ладно. Еще кто-кого. Достала где-то приборчик и думала отделаться.

Петька пустил ниточки в коробку, в щель между кнопкой и корпусом — если не пройти через поле, то, наверное, можно пройти через его источник. Петя провел нити под купол. Очутившись у лица отличницы, прошел в голову.

Как только это произошло, Худякова заерзала на стуле. Она схватила приборчик и защелкала выключателем. Наконец она обернулась и подозрительно посмотрела на Петьку. Тот улыбнулся ей самой очаровательной улыбкой и послал по ниточке сигнал:

— Что, Худякова, съела? Не жадничай...

— Как он сумел? — появилась у Пети мысль Галки.

— А вот так, — снова вмешался Петя.

— Не кажется ли тебе, Петров, что это насилие над человеком: читать мысли без его согласия?

— Я же давал тебе честное слово, что это будет только на математике. На контрольных...

— Но это неприятно.

— Не ври, Худякова, я-то уж знаю: ничего неприятного, просто первые две секунды у тебя будто проскакивают чужие мысли, а потом — ничего. Пиши себе дальше.

— Вот-вот, — побежали от Галки импульсы-сигналы, — чужие мысли. Бред ка-кой-то. Самолеты, марки, какая-то Чурико-ва из седьмого класса.

— Это не твоего ума дело, — пошел от Петьки хмурый сигнал. — И вообще ты собираешься контрольную писать?

Худякова не отвечала.

Перед Петькой забежали строчки с цифрами и вычислениями. Он усмехнулся и стал быстро записывать решение в тетрадь. Из-за дурацкого купола Худяковой он не списал первый пример, и нужно было успеть хотя бы все остальное. А писала вредина-Худякова быстро. Видимо нарочно...